ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ
SOURCE DEPOSITORY

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 62–80.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2025;10(2):62-80.

Персоналии

УДК 930:001.12

DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-2-62-80

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСКИ С. Ф. ПЛАТОНОВА (9 СЕНТЯБРЯ — 8 НОЯБРЯ 1879 Г.): «НЕ ЗНАЮ УЦЕЛЕЕТ ЛИ ЭТА ДЛЯ ПОТОМСТВА». ЧАСТЬ 7

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества, Санкт-Петербург, Россия, viktor-n1962@mail.ru, 0000-0003-2094-6883

Аннотация. Эта часть дневниковых записей во многих отношениях отличается от предыдущих. Во-первых, это самая активная фаза работы с дневником в ограниченное время — всего два месяца. Во-вторых, и это главное, автор определяет поворот в своей жизни и переход в новый этап, для которого характерно: осознанность выражения мыслей, что является показателем движения от юности к взрослому состоянию. В-третьих, показан механизм изменения личности и влияние на этот процесс театра. В-четвертых, беседы с московскими друзьями положили конец всяким недоразумениям в их отношениях, что внесло покой в душу и сознание автора. В-пятых, немало места отводится впечатлениям от университетских занятий, упоминаются имена профессоров и их курсы. Высказана мысль о своем отношении к науке. В-шестых, критическое осмысление, рефлексия своих занятий в поэтической сфере приводят к осознанному решению — прекратить сочинять стихи. В-седьмых, созревают новые ожидания от общения с представительницами женской половины человечества. Всё это свидетельствует о переломном моменте в жизни С. Платонова, к которому он оказался более подготовленным предыдущими поисками смысла жизни, чем его сверстники.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, дневниковые записи, переломный момент, взрослость, университетские занятия, роль театра, московские друзья

Для цитирования: Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (9 сентября — 8 ноября 1879 г.): «не знаю уцелеет ли эта для потомства». Часть 7 // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 62–80. URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/42-magistra-vitae-2-2025.html. DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-2-62-80.

Personalities

DIARY NOTES BY S. F. PLATONOV (SEPTEMBER 9 — NOVEMBER 8, 1879): “I DON’T KNOW IF THIS ONE WILL SURVIVE FOR POSTERITY”. PART 7

Viktor V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russia, viktor-n1962@mail.ru, 0000-0003-2094-6883

Abstract. This part of the diary entries differs in many ways from the previous ones. First, this is the most active time with a diary, in a limited time frame, which is only two months. Second, and most importantly, the author defines a turn in his life and a transition to a new one, which is characterized by awareness of expressing thoughts, which is a consequence of the transition from adolescence to adulthood. Third, the mechanism of personality change and the influence of theater on this process is shown. Fourth, conversations with Moscow friends put an end to any misunderstandings in their relationship, which brought peace to the soul and consciousness of the author. Fifth, the diary is much devoted to impressions from university classes, the names of professors and their courses being men-

© Митрофанов В. В., 2025

tioned. There is an expression about his attitude to science. Sixth, critical reflection on his studies in the poetic field leads to a conscious decision to stop it. Seventh, there are new expectations from communicating with the female sex. All this is an indicator of a turning point in S. Platonov's life, for which he turned out to be more prepared by previous searches for the meaning of life than his peers.

Keywords: S. F. Platonov, diary entries, turning point, adulthood, university studies, the role of theater, Moscow friends

For citation: Mitrofanov VV. Diary Notes by S. F. Platonov (September 9 — November 8, 1879): "I don't Know if This One will Survive for Posterity". Part 7. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology.* 2025;10(2):62-80. (In Russ.). URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/42-magistra-vitae-2-2025.html. DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-2-62-80.

Введение

Если в 1877 г. болезнь явилась рубежным событием в жизни С. Платонова, то лето 1879 г. по своему значению сыграло еще более важную роль. Но если в первом случае было физическое выздоровление, то во втором — духовное. Об этом и повествует очередная, одиннадцатая тетрадь его дневника, начатая 9 сентября и оконченная через 2 месяца. Объем тетради показывает, что автор очень активно работал и доверял свои мысли самому верному и безупречному своему собеседнику — чистым листам тетради.

Романтическая обстановка: осенний холодный дождь, затопленная печь, усталость от занятий психологией вызвали желание фантазировать и мечтать, что и подтолкнуло обратиться к новым страницам и взять ручку с пером. Красивым почерком стали заполняться строчки мыслями повзрослевшего человека, студента-второкурсника. Очередная, одиннадцатая тетрадь[41], отличается от всех предыдущих обдуманными мыслями, излагаемыми взрослеющим человеком. С. Платонов намеривается сохранить ее для потомства, но не уверен: не попадет ли она в печь, как многие другие. Замечательно, что она была им сохранена, поскольку позволяет проследить существенные изменения, произошедшие с автором за летние месяцы 1879 г.

А начались его размышления со сказки — народной мудрости, в которой зашифрована его мечта о будущей жизни. Она угадывается довольно просто, но каждый читатель дневника имеет возможность предложить свой вариант понимания авторской мечты, что символично.

Духовный и душевный перелом

С. Платонов, вступая во второй год университетской жизни, в течение двух осенних месяцев активно работал с дневником. Запись от 21 сентября в предыдущей тетради оставляет позади заблуждения относительно Москвы, то есть отношений с Е. Н. Калайдович и В. Н. Беркутом, подвергая самой строгой оценке свое поведение, вплоть до окончательного отказа от всего, что мешает идти вперед.

Большую роль в перерождении юноши, обладавшего богатым воображением и философским мышлением, сыграло его увлечение театром [Митрофанов, 2021(а)]. Поэтому упоминание им и Г. Н. Федотовой, и М. Г. Савиной — любимой актрисы — здесь не лишнее. Свое мнение о театре С. Платонов выражает словами: *«отношусь к нему не совсем равнодушно»*. Здесь же сформулированы два абсурда для базиса такого его восприятия. Подобные размышления позволяют увидеть, какой огромной важности шаг был сделан самосовершенствующейся личностью. Значение театра определено его предназначением: *«отлично» «узнавать жизнь»*, *«проводить в публику известные идеи»*. А для реализации этого главную роль играют *«авторы и актеры»*. Эти юношеские размышления являются показателем его погружения — правда только на 4 сезона — в мир театра. Зрителей он делит на тех, кто видит в нем *«средство убить скуку»,* и тех, кто смотрит на него *«серьезно»*, ищет *«хорошего помощника»*, это — *«наслаждение»*. Результатом такого осмысленного и целенаправленного увлечения стало исчезновение *«детской беззаботности»*, начинается новый период в жизни, порог которого автор уже переступил. Прежние тяжелые погружения в самого себя, поиск смысла жизни, о чем много места уделено в предыдущей публикации [Митрофанов 2025], дали ожидаемый результат, и цель достигнута: *«я стою к этой жизни ближе»*, чем другие сверстники.

Второй показатель взросления связан с проблемой, чем *«наполнить свой дневник»*, поскольку *«печали», «болтовня»* ушли из его прежнего опыта рассуждений, на их месте появился новый регулятор окружающей действительности — *«сосредоточенное внимание мысли»*.

[41] ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1220. Л. 1–37.

Кроме собственных усилий в изменении самого себя важную роль продолжали играть и москвичи. После близкого летнего общения с ними в характере С. Платонова появилась новая черта характера *«большая доза терпимости»*. Но появился и опасный соблазн *«возмечтать о себе»*. Здесь необходимо вспомнить, что свое предназначение студент видел в учительстве, в то время как Е. Н. Калайдович (Беркут) постоянно писала, что в нем она видит профессора, и убедительно предсказала ему это будущее [Митрофанов, 2022 (б), с. 85]. Их отношения без громких объяснений разрешились 14 июня 1879 г., и они остались друзьями. Это свидетельствует о родстве и общности их взглядов (маркизы и маркиза, посестримы и побратима) на многие вопросы, которые затрагивались в их известной переписке. Об этом спокойно записано 11 октября этого же года. А 1 августа состоялась обстоятельная беседа с В. Н. Беркутом, на которой была и его невеста. Их петербургский друг окончательно успокоился в своих мыслях и оформил отношения к собеседникам, достигнув *«финала своим страданиям»*. И когда осенью пришли одно за другим письма от обоих, где сообщалось об их свадьбе, он воспринял это известие как ожидаемое событие.

В Петербурге, после возвращения из Москвы, его знакомые отметили, что С. Платонов изменился.

В его записях появляются фрагменты, касающиеся университетской жизни, им подчеркивается увлечение наукой. Он всё более погружается в эту сферу в поисках пути к *«нравственной»* и *«умственной»* красоте. В его записях лаконично отмечено, что у них читает профессор русской словесности А. И. Незеленов, его привлекают и лекции историка искусства профессора А. В. Прахова. Упомянут антиковед Ф. Ф. Соколов, впервые появилась фамилия К. Н. Бестужева-Рюмина, сыгравшего огромную роль в становлении студента Платонова как ученого. Он окончательно привязывается к университету, всё *«больше любит свой факультет»*.

Среди других важных записей следует считать текст от 8 ноября, где намечены три темы для рассуждений. Однако этот план остался неосуществленным.

В этой тетради автор осознанно отказывается от занятия писать стихи, хотя приобретенные навыки в особые моменты жизни возвращали С. Ф. Платонову дар сочинить эпиграмму, стихотворное пожелание, создать дружеский шарж в поэтической форме.

В его жизни этого периода возникает потребность в серьезной женской любви и появляется уверенность, что это произойдет.

О широте кругозора, увлеченности, творческих занятиях свидетельствуют упоминаемые им имена Шекспира, Гёте, Гейна, Милля, целой плеяды выдающихся отечественных мыслителей, поэтов, литераторов: Н. В. Гоголя, Н. Г. Помяловского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, драматурга Н. А. Островского. Чтение «Отечественных записок» — явный способ познакомиться с актуальными публикациями и быть в центре общественной и художественной жизни.

Всё идет хорошо в его жизни, но тревожные сведения о здоровье двоюродной сестры Сары и отца (25 октября его поразил «удар») [Митрофанов, 2021 (б)], беспокоят и огорчают. 23 октября записан большой фрагмент о смерти В. Ф. Кеневича [Митрофанов, 2022 (а)] — учителя словесности в гимназии, оказавшего влияние на методы стихосложения юного поэта. Эти заметки своим содержанием похожи на некролог. Имя В. Ф. Кеневича было известно в Академии наук, он был привлечен известным ученым Я. К. Гротом к работе по подготовке к изданию полного собрания сочинений Р. Г. Державина. Главной же литературной заслугой В. Ф. Кеневича было создание книги о И. А. Крылове. Цель, которую перед собой ставил В. Ф. Кеневич, готовя книгу о его творчестве, сформулирована в предисловии: «...забыв или вовсе не зная тех обстоятельств, с которыми связано литературное произведение, мы не можем ни правильно понять его, ни верно определить направление деятельности писателя» [Кеневич, 1878, с. IV].

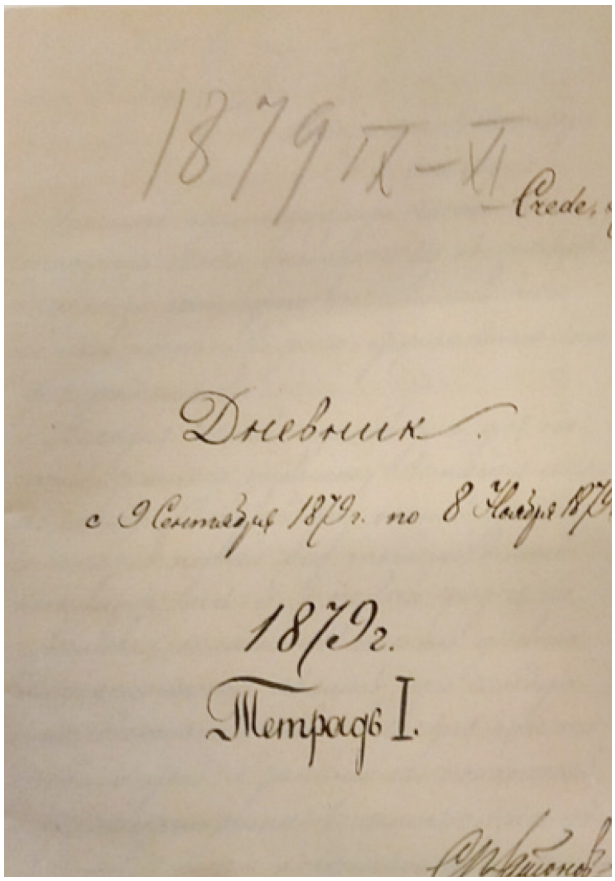
Заключение

Содержание публикуемой одиннадцатой тетради позволяет оценивать ее как важнейшую часть, можно сказать — центральную — относительно интересных размышлений автора, прежде всего о себе, переломных моментах жизни, определять их хронологические рамки и содержание. Активно работая с дневником, С. Платонов пишет целую книжку «Театральные заметки», ведет большую переписку с московскими друзьями, пишет лекции, редактирует их. Можно себе представить объем его ежедневной рукописной и умственной работы, как зарядки для ума, что его не только не обременяет, но радует.

Такая способность позволит в будущем интенсивно работать над диссертациями и монографиями. Карандашные пометы, сделанные в тетради, позволяют говорить, что она просматривалась им, как, впрочем, и другие записи, при работе С. Ф. Платонова в 1920-е гг. над своими воспоминаниями.

С. Ф. Платонов
Дневник с 9 сентября по 8 ноября 1879 г.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1220. Л. 1–37)



ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 1. Д. 1220. Л. 1

// **л. 1.** Карандашная помета 1879 IX–XI

Crede, Spera![42]

Дневник
С 9 сентября 1879 г. по 8 ноября 1879 г.
1879 г.
Тетрадь I

С. Платонов

//л. **2.** Карандашная помета: 1879 IX–XI

Воскресенье. 9 сентября 1879 г.
(см. иниц.)

Начинаю одиннадцатую часть или тетрадь своего дневника. Из одиннадцати тетрадей громадное большинство погибло в печке. Не знаю, уцелеет ли эта для потомства…

Сегодня самый лучший день для начатия зимнего дневника (летом я их не пишу): в первый раз осенний дождь и холод, в первый раз топили в моей комнате печь и в первый раз я почувствовал склонность писать дневник. Эта склонность явилась при следующих обстоятельствах: сегодня целое утро и день я занимался психологией и еще некоторыми вещами, отчего устал. А устав, после обеда захотел заснуть и лёг на кушетку, но вместо сна ко мне явилась мечта. Я лежал в каком-то полусне и передо мной одна за // **л. 2 об.** другой неслись самые причудливые картины моей будущей жизни. Фантазия разгулялась, воображение заработало, и два часа я мечтал, мечтал и мечтал. Чем записывать содержание этой фантасмагории, лучше записать одну сказку, заняться лирикой в прозе. Эту сказку говорил один из героев моей мечты.

«Жил был один король. Королевство его было богато. Королевский двор был многочислен и роскошен. Во дворце пиры сменялись пирами. Кроме самого обаятельного веселья кровь и его благородные рыцари не знали ничего. Горе и нужда не переступали королевского порога».

«За пирами рыцари тешились играми, музыкой и песнями. Каждый странствующий миннезингер, каждый простой певец и каждая уличная певица с своей арфой имели доступ в // **л. 3** королевские палаты, и если их арфа была звучна, голос звонок и приятен, а песни нравились рыцарям, то певцы и певицы уходили с щедрою наградою».

«И вот однажды на шумном пиршестве появилась уличная певица, не похожая на других уличных певиц: она была молода, свежа и красива, как майский цветок; её арфа была особенно звучна; голос чистый и нежный, как первая песня весенних птиц, ласкал так обаятельно слух, а её песни воспевали только добро и доблесть, и не было в них ничего грязного, низкого и глупого».

[42] Верю, надеюсь — с лат.

«Все были поражены её красотой, способностью и искусством петь так высоко и приятно. Долго её не хотели отпускать из дворца, много она песен, чистых и приятных, спела рыцарям. И вот один царедворец, знатный и богатый, предложил её своё золото взамен // **л. 3 об**. её красоты, свободы и ласки. Она продала ему и то, и другое, и третье, и осталась надолго в том королевстве».

«И в богатом наряде с раззолочённой арфой она пела на королевских пирах свои песни, те же прежние песни, которые воспитывали только добро и доблесть и в которых не было ничего грязного, низкого, глупого: те же старые песни».

«В один вечер, когда она окончила на королевском пиру одну из своих лучших песен, за порогом роскошной палаты послышалось другое пенье: то был простой, уличный певец. Он вошёл на пир и начал длинную песню. Сложил её сам он».

«Он пел о доблести, чести, добре и о том, что гадко продавать свободу и свою душу за богатства и роскошь; что честные, добрые и хорошие песни перестают быть такими, если // **л. 4** поёт их не честь, не добро и не доблесть».

«Он пел, что исчезнет любовь и почтенье ко всему честному, если это чистое и доблестное живёт на устах низкого и продажного и не стыдится такого позора и не бежит от позора».

«И слушали рыцари эту песню безмолвно, и песня звучала для них темно, непонятно; певица молчала. Но глубоко запали в её душу слова простого певца, пришедшего из мрака ночи».

«Пел певец и другие прекрасные песни. Щедро он был награждён и скоро отправился дальше. И с ним, оставив наряды и роскошную арфу, ушла молодая певица».

«И вместе ходили они и пели у разных государей и рыцарей свои песни, которые воспевали только добро и доблесть и в которых не было ничего низкого, грязного и глупого. Они любили друг друга и свою награду за // **л. 4 об.** честные и прекрасные песни делили между собой, и не жалела певица о роскоши, золоте и о королевских пирах» …

Имея уши слышати, да слышит! Я же, записав эту притчу так, что другой и не поймёт, закрепил в своей памяти мою сегодняшнюю мечту. А то записывать прямо и смешно, и неловко.

Смешно потому, что какой же серьёзный человек допустит возможность заносить на бумагу мечту. Мечта не высказывается, иначе она — не дорога.

А неловко именно потому, что мечта дорога, а другой мечты, т. е. пустяки, осмеёт.

Вступление в дневник должно показаться странным, пот[ому] что я говорю о мечте, рассказываю сказку, словом, горожу чепуху. Но позвольте, оставьте мне право заносить на страницы дневника всякую особенность моей психической жизни. С сего // **л. 5** дня я чувствую, что мои нервы расстроены и мне хочется записать, что сегодня моя нормальная душевная жизнь уклонилась в такую сторону, в какую уклоняется очень редко. Что же касается до способа изложения, то это положительно всё равно: форма в моих глазах ничего решительно не значит, если она не изменяет оттенков содержания. Если же это случается, то форма должна быть исправлена и сделана более соответствующего содержания.

Итак, изложив мое редкое психическое состояние, я скажу несколько слов о происшедшем в промежуток времени, когда я перестал записывать. В Москве дело объяснилось и уладилось. Отношения мои сохранились и стали на более твёрдую почву. Проживя месяц около Москвы в селе Лобановом –Петровском, я возвратился восвояси, зажил весело и содержательно, гонялся за Федотовой[43], бывал часто у Нейдгард и познакомился с // **л. 5 об**. ними лучше, затем начались лекции и я сразу начал работать (по психологии). Чего же лучше? Мои самобичевания рассеяны частью Е[вгенией] Н[иколаевн]ой и В[ладимиром] Н[иколаевич]ем[44], частью моими мыслями на основании их слов. Программа жизни — честное учительство — осталась та же, но я с большей любовью смотрю на неё. Болезнь отца немного смущает меня, но даст бог, всё поправится.

На всё я смотрю весело и терпимо; чувствую, что силы есть, что эти силы не выходят из разряда дюжинных, но печалиться от этого, право, было бы нелепо.

А на счёт потребности любить можно сказать, что всё придёт своим чередом. Потом потолкую об этом подробнее, а сегодня устал.

Я часто бываю в театре и люблю все больше и больше это удовольствие.

Лучше оставлю писать, а то выходит от усталости небрежно.

[43] Актриса.

[44] Речь идет о Евгении Николаевне Калайдович и Викторе Николаевиче Беркуте.

// л. 6.

10-го сент[ября], вечер.

В последнее время я очень пристрастился к театру и отношусь к нему не совсем равнодушно. Между прочим, считаю себя поклонником таланта Савиной. Вот два пункта, на которые можно ждать насмешек и пожиманий плечами. За что? За то ли, что смешно любить высокое драматическое искусство и сильно им наслаждаться? Или за то, что любить общие и индивидуальные свойства таланта артистки — значит быть влюблённым в незнакомую в сущности женщину? Хоть и странно, но нужно признаться, что эти абсурды и послужат базисами для насмешек и улыбок. «Всё хорошо в своё время», «блажен, кто смолоду был молод» — это глубокие по правдивости замечания. В юности нервы восприимчивее, чем когда-нибудь. Драмат[ическое] искусство, к[а]к и вообще чистое искусство, плодотворный и благородный стимул для раздражения нервов. **// л. 6 об.** Хорошо, если нервы склонны возбуждаться этим более, чем другими, более низкими и грубыми вещами…

С завистью вспоминаю я то время процветания сцены, когда в театре собиралась молодёжь (т. е. и студенты) для того, чтобы дружно приветствовать честных и выдающихся деятелей искусства. В Москве и заметнее в Харькове еще сохранилось хорошее обыкновение среди студентов и гимназистов. Но я лично никогда не видел ничего подобного в среде той молодёжи, к[ото]рая меня окружает. К сцене и к искусству вообще относятся или свысока, или индифферентно[45]. К артистам и того индифферентней и того презрительней.

Пусть я буду последним из могикан того прошлого, но пока я молод и впечатлителен, пока я интересуюсь всем, я буду увлекаться и искусством, и его деятелями. **// л. 7** Сколько чистых и хороших впечатлений получил я в театре! Достаточно сказать, что театр никогда не порождал во мне ни одного низкого и грязного побуждения; напротив, много вопросов, жизненных и отвлечённых, решилось во мне в то время, когда передо мной развёртывалась на сцене фиктивная, но верно воспроизведённая жизнь; часто для меня, благодаря театру, становилось ясно, <u>как</u> относиться нужно к тому или другому явлению жизни. Театр — прекрасная школа, сказал Шиллер. И нужно согласиться с ним.

Театр помогает узнавать жизнь и отлично помогает, учит иногда даже лучше самой жизни, потому что явления в обыденной жизни сопровождаются массой побочных обстоятельств, к[ото]рые мешают часто смотреть на эти явления с должной точки зрения. На сцене явление очищается от посторонних примесей, освещается так, что в нём поневоле увидишь **// л. 7 об.** истинный смысл события и получишь почву для должного отношения к явлению. Опера утеряла или всегда <u>только в теории</u> следовала этой цели, допустив в себе полное господство музыкального элемента, и таким образом превратилась в средство простого наслаждения, приятного раздражения нервов посредством музыки. Таким образом, только драма удовлетворяет истинному понятию древнего театра — кафедры, с к[ото]рой проводятся в публику известные идеи, долженствующие серьёзно повлиять на массу в развивающем смысле. Факторами этого влияния являются авторы и актёры. Важность их одинакова. Часто пьеса, не заключающая в себе ничего поучительного, в мастерской игре артистов действует на воображение, ум и волю внимательных слушателей. Но часто хорошая пьеса проваливается вследствие дурной игры.

// л. 8 Отсюда эта важность сценических талантов (и бездарностей, само собой), к[а]к <u>общественных деятелей,</u> и понятно, насколько хорошие художники — актёры заслуживают внимания и поощрения. Мне скажут, что я увлекаюсь, что, пожалуй, мои слова — хорошая теория, но на практике, дескать, дело не таково. Театр не действует благотворно на публику; актёры — увеселители, а не общественные деятели, авторы не думают о благотворном влиянии на публику, и из этого следует, что к театру серьёзно не стоит относиться. Пустяки-с! Кто захочет, найдёт в театре пользу; кто смотрит на театр, не как на средство убить скуку, а серьёзно, тот найдёт в нём хорошего помощника в решении многих жизненных вопросов. В жизни возможно <u>наблюдение</u>, в театре- <u>опыт</u>. Кто читал логику, тот поймёт, что я хочу сказать. В театре явления и умножаются **// л. 8 об**. по нашей воле, и состоят вообще в нашей власти, и доступны более точному и удобному объяснению…

И мне, юноше, к[ото]рый только переступил порог жизни, театр даёт очень много и в пьесах, и в исполнении. Я понимаю, какое подспорье может мне давать театр, когда и жизненные факты заставляют меня иногда думать так, что «лоб трещит» и чувствовать, что значит жизнь.

[45] Индифферентизм — постоянное равнодушие или безразличие к вопросам знания, морали, общественной жизни. Различают индифферентизм философский, этический, религиозный и политический.

Действительно, в последнее время иногда от мыслей болит голова, и иногда в какой-нибудь час постареешь на целый год. Ощутительно исчезает прежняя детская беззаботность и взамен её прибавляется тот индифферентный относительно покой более или менее перебродившего интеллекта и чувства. Но я покоен, счастлив и доволен: не смущает меня этот «индифферентизм», если хотите. Он не позорный. Во мне необъятная масса способности.

// **л. 9** Увлекаться, но эту способность теперь не в состоянии вызвать к деятельности те мелочные стимулы, к[ото]рые увлекали прежде меня и ещё теперь многих моих товарищей. Я чувствую, что меня более, чем их, тронула жизнь и что я стою к этой жизни ближе, чем они. Конечно, не доброкачественность моего психического строя, а простой случай сделал это. Все мы — люди обыкновенные и по складу, и по развитию… Стоит только вдуматься и сравнить их жизнь и мою: мои отношения к отцу, мою роль в семье, моё общественное положение и моё благосостояние, чтобы понять, что я должен раньше созреть, раньше начать жить, раньше бросить всегдашнее безымённое щебетанье… И я его бросаю. Моя индивидуальная жизнь должна объяснить совершенно удовлетворительно моё «идеалистическое» направление. Я вырос в сношениях с людьми — женщинами. Во мне // **л. 9 об.** много чёрточек, к[ото]рые появились именно от этого. Да, я идеалист! Да, я эстетик! Но какой? Последней четверти XIX века.

Я теперь затрудняюсь, чем наполнить свой дневник. Печали мои исчезли, болтовня о «высоких» предметах надоела. Остаётся заниматься теми вопросами, к[ото]рые принесёт минута, но теперь эти вопросы решаются так, что не просятся с болью и плачем на страницы тетради, а решаются сосредоточенным вниманием мысли; и только. Остаётся благодарить судьбу за спокойствие чувства и заниматься спокойным обсуждением того, что принесёт минута. Очень легко может статься, что подобное спокойное прекрасное настроение духа лопнет к[а]к водяной пузырь под наплывом новых чувств и сомнений, но я этого не боюсь: за мной плодотворное лето. Да, //**л. 10** лето было хорошее. Как были хороши летние ночи, когда под влиянием летней атмосферы, возбуждённое в меру чувство, вместе с сознанием счастья, наполняло всю мою душу и когда заснувший ум так удачно трудился над решением мелких и глубоких вопросов, и было так легко и хорошо! Большая перемена, происшедшая в моих отношениях к московским друзьям и к некоторым родственным мне лицам, ещё прибавляла внутреннего довольства. Большая доза терпимости прибавилась к моему характеру вследствие разных благодетельных обстоятельств, явившихся, положим, в виде испытаний, на горизонте моей жизни. Хорошее лето!

Летом во мне обнаружилось стремление к покою, к своего рода Нирване, но к Нирване, полной содержания и жизни. Да, много счастья создал я в своей жизни, и нужно беречься, чтобы // **л. 10 об.** вследствие этого счастья не возмечтать о себе, к[а]к прежде и сохранить должное самообладание и сдержанность.

Были, конечно, и шипы, к[ото]рые кололи меня в это лето, но их было мало. О них в следующий раз.

NB Сколько завтра наслаждений: лекция психологии и театр!

16-го сентября, ночь.

Сейчас возвратился от Рубцовых, где глупо провёл вечер… Какой я злопамятный человек. Чуть появляется передо мной оскорбившая меня личность, я впадаю в скверное расположение, хотя наружно сохраняю крайне вежливое отношение к ней. Сегодня было это… Но оскорбление было, в сущности, невелико: грубая шутка, к[ото]рая была груба, потому что оскорбляла мои самые нежные струны, и эта шутка доказала психическую // **л. 11** неразвитость шутившего субъекта. Но бог с ней, с этой личностью! Сердиться не достаёт духа, находится место для искреннего сожаления об этой личности, в чём, впрочем, она не нуждается.

С какой силой охватило меня сегодня желание любить кого-нибудь. Но старый ответ: кого?! Первая римская элегия Гёте вертится на языке, и такие минуты — лучшее время для её перевода. Но я не смогу перевести Гёте. Руки опускаются, и писать стихи нет ни малейшего расположения, когда вспомнишь, что были на свете Гёте, Гейне и им подобные. Пора остановить это самомнение и писать лишь тогда, когда явится органическая, т[а]к сказать, потребность. А в её существовании у себя я убеждён.

Работаю я теперь много, и это меня радует.

// л. л. 11 об.

21 сентября. Пятн[ица].

Написал я в воскресенье, что много работаю — и именно с воскресенья и перестал работать: такая плохая неделя задалась!

В субботу, 15-го, был у Нейдгард, в воскресенье у Рубцовых, 17-го у Латкиных, при этом танцевал.

Вася мне передал о перерождении Е. Д. Малис. Она стала мыслящей девушкой. Это приятный факт. Много печали, без сомнения, принёс переворот самой Малис, но много и хорошего. Содержательность непременно сопровождается разными душевными бурями, происходящими или от сомнений ожившего ума, или от его столкновений с окружающей спячкой. Но… не завянет ли этот цветок на бедной плодотворными силами почве, к[ото]рая его окружает? Это может статься. Не пожалеет ли Малис, что ум и душа её проснулись, стали жить новою, мыслящею жизнью? Не дай бог!

// **л. 11 а.**

26-го сентября.

Вчера я услыхал страшную новость В. Сид[оро]ва. Я был поражён ею. Это самый несчастный человек, какого я знаю и мне его жаль бесконечно.

Отвратительная семейная обстановка, страшное обстоятельство, бесповоротно сгубившее его жизнь, почти непоправимое или поправимое лишь до некоторой степени, годы отчаянной борьбы, борьбы безуспешной, неравной, борьбы не равного с равным, а бесконечно слабого с бесконечно сильным и в конце концов невольное нравственное падение под ужасающим гнётом роковой силы и полное сознание своей нравственной негодности, своей беспомощности — всё это делает его глубоким страдальцем, достойным сожаления и утешения. Он не старается, конечно, свалить вину во всем на другого: он ведь видит факты, позорные и ужасные, исходящие от него, // **л. 11, а об.** он помнит, сколько внутренней энергии и внешних усилий потрачено на борьбу, каких трудов и мучений она ему стоила, и вдруг сразу, один миг разбивает, как ураган плоды долгого упорного труда, гонит его от идеала, к[ото]рый он преследовал. Этот Сизифов труд, это сознание его бесплодности и силы врага, безличного, но сильнейшего, сломило Васю. Он поник головою и обратился за помощью ко всем…, даже к Круковскому!! Он близок к помешательству или к самоубийству. К[а]к Катерина в «Грозе», он под влиянием своих дум, повлиявших на слабую нервную систему, может выкинуть самую чудовищную нелепую штуку…

Он просит помощи… Кто и чем ему может помочь??!! Почти невозможно помочь, если не совсем невозможно. // **л. 12** Физическое средство очень ненадёжно. Оно, допуская организм к прежней трате сил, вместе с тем не вырвет из его души того многолетнего нароста, к[ото]рый сделал в нём привычкой его стремление; оно не уничтожит в нём предрасположений, а даёт им лучший сравнительно исход всё-таки с тратой органических сил. А именно то предрасположение и трата сил — то зло, к[ото]рое нужно вырвать с корнем… Это по силам только нравственному влиянию. А где оно? Где его можно приобрести по заказу?! Нигде.

Бедный, мне его очень жаль!

вечер.

Теперь о себе. Я в высшей степени доволен своей жизнью. Этого довольства я очень давно не испытывал. Работаю я довольно; читаю, но это идёт медленно что-то. В университете слушаю лекции более осмысленно, чем прошлый год. Забот о // **л. 12 об**. своей нравственной красоте и, кстати, об умственной что-то мало, а это я считаю делом хорошим. Учусь ~~для того,~~ потому что учиться полезно, что наука мне нравится, что без общения с нею я не могу прожить…, хотя бы и по привычке.

Нравственно прихорашиваться не стоит, потому что, как ни драпируйся, а если в душе грубая свинья, то это будет заметно и этой «коки с мокой» никак не спрячешь.

Ау, не паинька ли я?

Нет, в самом деле я спокоен и доволен. Кажется, за лето многое в жизни постиг.

27 сент[ября] [18]79

Устал. Вчера от 10 у. до 6 ½ ч. вечера сидел, не разгибая спины: сегодня — от 6–10 ч. и теперь ещё сел за дневник. Но я мог бы работать больше, работать без интервалов, а этого у меня // **л. 13** нет, и это меня немного обижает.

Как только я прихожу в общение с миром науки, только что начинаю работать рассудком, и сердце мое тотчас же начинает работать. Неотступно требует оно любви, любви и любви! Мне не только кажется, но я даже уверен в том, что будь у меня хорошее существо, к[ото]рое бы меня согрело и обласкало, я бы ощутил и вызвал к деятельности вдвое большие силы, чем теперь. Моя бы энергия возросла. Я это сам чувствую, и мне об этом говорили.

Но где же искать этого «хорошего существа». Никто, положительно никто из моих знакомых не может удовлетворить моим идеальным требованиям; ко всем, решительно ко всем я могу относиться и отношусь критически.

Но эта неудовлетворённость не // **л. 13 об.** мучит меня, к[а]к прежде, сознанием неудовлетворённости и безнадёжности. Дело в том, что я надеюсь и верю, что надежды сбудутся. Отношения ко мне некоторых девушек позволяют мне надеяться на то, что я могу быть любимым… Но отчего же это так долго не сбывается?!

Одновременно у нас с Васей родилась мысль: воздействовать на В. С[идоро]ва с помощью Нейдгардт. Они девушки хорошие, и М.К. вполне может воздействовать на него благодетельно. А.К. менее подходит к складу С[идоро]ва, поэтому на неё надежд меньше. Но… я с величайшим удовольствием буду делать попытки к спасению Васи, однако, не могу избавиться от пессимизма в этом деле. По заказу увлечения не создашь, а тут нужно заинтересовать и в некоторой степени увлечь.

// **л. 14**

чрез час.

Да, Нейдгардт девушки хорошие, и мое отношение к ним не оставляет желать ничего лучшего. Я от них не получил ни одного оскорбления в том смысле, что моя личность ни разу не была ими серьёзно заподозрена в чем-нибудь; сочувствия в них я встречал много, особенно в А. К. Но это совершенно не умаляет в моих глазах достоинств М.К., ибо, надеюсь, я такой человек, к[ото]рый судит о людях не по их симпатии к себе. Много радовавших меня фраз слышал я от А.К. помимо тех лестных шуток, к[ото]рыми она иногда меня наделяет, и это заставляет меня относиться к ней очень симпатично. За лето ~~мы~~ я гораздо более сблизился с ней, чем с М.К., и потому естественно, если я о ней говорю больше, чем о М. К. Вместе с тем, если бы М.К. дорожила моим о ней мнением, то оно доставило бы ей много удовольствия. Ни на кого я // **л. 14 об.** ~~менее~~ более не способен поднять руку, кроме к[а]к на неё и на С.Ю., Е.Н. и А.К. женщины тоже не менее хорошие, но они сами сумеют отпарировать всякий дерзкий удар, а эти две нет, и я никогда не попаду на них, да и никому не позволю напасть при себе без ответа.

Чем дальше я узнаю А.К., тем более нахожу в ней — к своему удивлению — психического чутья, к[ото]рого в ней по виду нельзя предполагать; отзывчивости в ней тоже много. Что это за штуки «психическое чутьё» и «отзывчивость», знает всякий мало-мальски развитой психически человек, знает также и цену этим прекрасным природным качествам. Теперь же пускаться в объяснения и психический анализ не стану, ибо и устал, и поздно, и ещё, пожалуй, не слажу с этим тонким вопросом.

// **л. 15**

29-го сентября

Судя по письмам, Серафиме[46] плохо!

Жаль мне её душевно. Она, говорят, стала очень хорошо относиться ко мне; я тоже люблю её: с большими задатками и хорошая девушка.

Есть у нас на курсе «граф Ал[ексан]др Фёд[орович] Гейден[47]». Долго я смотрел на него, к[а]к на пошленького аристократа, но пришлось разубедиться. Это очень хороший господин. Этот год мы с ним сходимся, но есть одна неприятная вещь: он — сын высшего сановника, я — то, что называется, «червь», бюрократический нуль. Наше сближение может быть перетолковано очень невыгодно для меня, а я испытал, как сильно бьют в сердце эти невыгодные перетолковывания чего бы то ни было…

Правду сказать, я очень горд, особенно в отношении гордых людей. Эта гордость исчезает при общении с хорошими людьми; в этом общении меня // **л. 15 об.** можно упрекнуть разве в излишней податливости. Но когда я натыкаюсь на людей с бесправным самомнением, моё самомнение болезненно растёт и развивается до nec plus ultia[48]. Это явление мучит меня. Я чувствую, что на всякую попытку укусить меня, я невольно огрызаюсь самым непривлекательным образом; думаю, что практически это очень удобно в том отношении, что меня не закусают, что не осмелятся в глаза третировать меня, к[а]к третируют иногда Петю. Но с точки зрения христианской морали, это неодобрительно, ибо значит: око за око, когда подобную вещь можно обойти достойным образом. Что же делать! Я не обладаю достаточной силой для самоисправления.

Занятиями я очень доволен. Слушаю Незелёнова[49] и хочу слушать Прахова[50]. Теперь есть

---

[46] Попова Серафима Николаевна (1862–1894) — двоюродная сестра по материнской линии. Она серьезно была больна воспалением легких.

[47] Гейден Александр Фёдорович (1859–1919) — вице-адмирал флота. Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и в 1882 г. окончил его со степенью кандидата за сочинение «Из истории возникновения раскола при Патриархе Никоне».

[48] И больше нет мести — с лат.

[49] Незеленов Александр Ильич (1845–1896) — историк литературы и педагог, профессор Петербургского университета, преподававший в кадетских корпусах и в училище правоведения

[50] Прахов Адриан Викторович (1846–1916) — рус-

силы для занятий, а прошлый год не было их! Не от лени!

л. 16

30 сентября.

Сегодня один из счастливейших дней моей жизни. Я счастлив счастьем моих друзей. Счастлив ещё и тем, что способен чисто искренне и глубоко радоваться за других. Дружба моя с московск[ими] людьми не есть обыкновенная дружба, но апофеоз её, дружба, в которой идея дружбы с идеей индивидуальной свободы слились в одно целое, одно привлекательное целое, и составили для меня обильный источник умственных, нравственных и душевных наслаждений, в к[ото]рых я обретаю необходимую мне силу… Высоко должен ценить человек подобное счастье, и я стараюсь его ценить. Скажут, мож[ет] быть, что подобная дружба — идеализация, иллюзия. Но эта «иллюзия» длится больше двух лет, и «действительность» что-то ни разу не врывалась в её область. Эта иллюзия окуплена в прошлом году тяжелыми страданиями, эта иллюзия

л. 16 об. легла в основу моего умственного и душевного совершенствования, (а, право, я лучше, чем был 2 года назад), эта иллюзия смахнула с моей души самую пошлую грязь, так неужели же это только иллюзия?! Нет, нет, нет!

Я ничего не пишу о том, что вызвало во мне такую радость, ибо не имею права.

Утром я думал о Нейгардт. Личность М. К. не так интересует меня теперь, как А.К. М.К. я знаю, натура её и не сложна и не осложнилась обстоятельствами. Но у А.К. — крайне сложный характер. Зная в общих чертах её характер, я не могу уяснить себе его деталей. Мож[ет] быть, она тоже думает обо мне: дело в том, что никто из нас не желает высказываться… первым. Qui vivra, verra![51] Но во всяком случае не симпатично относиться к ней нельзя, и кто, зная её, относится

л. 17 к ней дурно, тот доказывает, что не понимает её натуры. А понять не совсем легко, хотя и не трудно. Мне говорят, что в ней есть недостатки, указывают их, но, странное дело! Именно этих недостатков в ней, по-моему, нет; есть другие, но о них никто ни полслова… Я, понятно, то же самое.

А сегодня, право, хороший день, несмотря на визит В. В. Корвина-Круковского[52].

4 октября 18[79]

Дела у меня в эту неделю пропасть.

Гейден просил записать за него лекцию психологии, и ещё я на какого-то чёрта согласился прокорректировать лекцию Соколова[53]: соблазнил меня её предмет: leges XII tabularum[54]. До лекций Бестужева[55] не могу дотронуться!

Сегодня день пропал бесследно и бесполезно: пришёл Карпенко. Умный и хороший он человек, да мало у него образования, благодаря школе.

// **л. 17 об.** Я часто минутами думаю о своих отношениях к Нейдгардтовскому кружку. Дело в том, что давно уже со стороны некоторых лиц, особенно со стороны некой политичной маменьки, исходят различные толкования моей симпатии к Нейдгардтам. Эти толкования даже выражались мне в лицо острыми намёками. Положим, что эти толкования являются вследствие очень похвального стремления человеческого ума и сердца — доподлинно и точно знать происходящее вокруг; этим удовлетворяется почтенное стремление к знанию, к[ото]рое должен проповедовать всякий серьёзный современный моралист. Но не следует также забывать при этом, что стремление к знанию имеет два имени: любознательность и любопытство, причём к последнему прибавляется иногда слово «излишнее», прибавляется теми же моралистами, людьми, без сомнения, развитыми. //**л. 18** Смею думать, что излишество является и в данном случае… В самом деле, серьёзно, что за дрянная привычка: лезть со своим немного длинным носом в область, к нему не относящуюся?! Что за дрянная привычка, не понимая явления, стараются объяснить его мотивами, самыми худшими, по понятиям сующего нос? Что за дрянная привычка у этих неразвитых, хотя и длинных носов: стараться свои догадки, облеченные в кисло-соленую фразу, высказать уличённому в мерзостных, будто бы, поступках человеку — прямо в глаза?! Почему это многие люди (или лучше

ский историк искусства, археолог и художественный критик.

[51] Время покажет– с фр.

[52] Корвин-Круковский Василий Васильевич (1861 — после 1916) – русский инженер и архитектор, техник и инженер Санкт-Петербургского градоначальства (1893–1911), специалист по железнодорожному строительству.

[53] Соколов Федор Федорович (1841–1909) — историк-антиковед, филолог и эпиграфист. Чл.-кор. АН, профессор (1884–1909) — декан историко-филологического факультета (1891) Петербургского университета.

[54] Законы XII таблиц — с лат.

[55] Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — историк, писатель, ординарный академик, основатель и первый директор ВЖК (1878–1881).

многия люди) во всяком сближении видят эротический элемент и считают этот элемент самым недостойным и низким при его развитии, а между тем искренно умиляются, видя результаты развития этого элемента, т. е. формальных жениха и невесту?! Прочтя эти две страницы, пред Вами, я полагаю, станет // **л. 18 об.** вопрос: к чему тратить эти страницы, когда виновники их траты не стоят и одного плевка. Верно, верно!

Отношения мои к Нейдгардтам имеют очень симпатичный колорит: это очень разумное общение. Не знаю, к[а]к смотрят Нейд[гардт] на это общение, но оно, я думаю, разумно. Потому что и себе, а тем более им, я не могу отказать хоть в одной капле разума. Люди они умные, симпатичные, развитые. Большей разумностью отличается А.К., большей сердечностью, по крайней мере, насколько она высказывается, обладает М. К. Симпатичны они обе. Общение наше, в полном смысле слова — «знакомство» или покуда ещё «ознакомление». Никакого страстного или корыстного чувства нет. Где же материал для проницательных догадок?! А нашёлся же, вот подите!! Находятся же люди, к[ото]рые, не зная других людей, наперекор всем убеждениям знающих // **л. 19** лиц, готовы, подобно Петру Амьенскому[56], трубить крестовые походы против своих нелюбимцев, хотя бы для этого пришлось даже добровольно отказаться от заманчивого винограда; с некоторых пор высоко висящего и так ли или иначе, но недоступного. Да! Виноград — то, кажется, и вправду высоко повис! Увы!

Кто знает! Может быть, дело и не так должно понимать, может быть, притчи с виноградом на самом деле и нет, а есть только закоснелая ненависть, к[а]к у древних наших попов к бесовским пляскам и игрищам… Вообще, я нередко ловлю себя на предположениях, нелестных для человека, хотя мой разум и требует от меня более доверчивого отношения к людям. Дурная черта — подобные предположения.

Сегодня я впал в иронию, не от безделья ли? …
// **л. 19 об.**

10 окт[ября]. Среда.

Пришлось поработать! В среду, 3-го, от 10 ч. у[тра] до 10 час. в[ечера] писал психологию; 4-го днём и от 9 ½ веч[ера] до 1 ч. корректировал лекцию Соколова; в пятницу, 5-го, от 2 ч. дня до 2-х часов ночи писал для Гейдена психологию; 6-го от 3-х часов до 2-х ночи корректировал Соколова, 7-го, в воскр[есенье], кончил корректуру и начал переписку, занимался от 10 ч. до 6 ½ дня; в понедельник от 10 у[тра] до 7 вечера переписывал. Это были шесть дней такой лихорадочной работы, к[ак]ой я ещё не запомню. Я буквально одурел. Утром в alma mater, там строчишь, дома немало немедля строчи! А всё-таки в воскресенье и понедельник вечера «пропраздновал»!… Завтра психологию писать, в пятницу тоже, чёрт бы её побрал! Отнимает она у меня много времени, а отстать не хочется. Надобно более сжато излагать, вот что.

Новое письмо из Москвы[57] — новая хорошая вещь!
// **л. 20**

11 октября.

Сегодня со мной творится что-то оригинальное. Весь день только и мечтал: сесть за психологию, а между тем сел и бросил. Чувствую, что не могу, что напорчу. Подумал, подумал и решил сесть за дневник.

Получил от Вл[адимира] Ник[олаевича] письмо[58], по содержанию тождественное с теми двумя, к[ото]рые получил от Е[вгении] Н[иколаевны].

Был в понедельник в театре, видел паршивую пьесу[59]. Как можно подобные гадости пускать на сцену? Всё так грубо и пошло. Завтра тоже пойду в театр. Хотя и глупость делаю, но пойду. Пока ещё срочных дел нет, так эту роскошь можно себе допустить.

Я сегодня ленюсь и поэтому в мечтательном расположении духа. Вспоминается мне лето с его лунными, душистыми ночами, к[ото]рых было немного, но к[ото]рыми я пользовался очень хо-

[56] Истинным вдохновителем массового крестового похода в 1096 г. стал простой нищий отшельник Пётр Амьенский, по прозвищу Пустынник, родом из Пикардии

[57] В письме от 4 октября Евгения Николаевна Калайдович писала о желании вступить в брак с В. Н. Беркутом (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2274. Л. 40–42 об.)

[58] Письмо от 9-го октября (Митрофанов В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сборник статей и материалов. Вып. 5 / под ред. А. М. Дубровского. Брянск : МОО «ИС», 2019. С. 190–193).

[59] Это посещение театра С. Ф. Платонов отразил в своих «Театральных заметках». 8 октября была комедия «Семья Жирцовых», получившая такую оценку: «Такой глупости я никогда ещё не видывал…» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 1. Д. 1224. Л. 35–35 об.)

рошо. // **л. 20 об.** Но буду вспоминать последовательно. Помню я вечер 14-го июня, была гроза, так называемая «воробьиная ночь». В этот день я приехал к Селив[анов]ским. Все они разъехались. Остались Маркиза, да я, и весь день провели вдвоём. Вдвоём обедали, вдвоём провели на балконе вечер; молния нам светила каждый миг, и вот здесь все недоразумения пали сами собою. Мы о них не говорили, мы просто беседовали, но здесь для нас стало ясно, что Маркиза и Маркиз могут понимать друг друга; я уразумел, что эта дорогая женщина осталась моим другом. Хорошая беседа, хороший вечер! С этого времени ясней стали мои дни. В непосредственной близости с природой и с народом, среди хлебных полей, в своей деревне жил я хорошо, я постигал, что я близок и к этой бесхитростной природе и к этому серому народу. Я успокаивался // л. 21 мало-помалу, я чувствовал, что бессмысленно скучать и обретать пустоту в жизни, когда кругом всё живёт, трудится, растёт, созревает, колосится и даёт плод. Колос, тощий или полный колос, думал я: зависит от зерна и земли, он не виноват, что он тощий. Плохо зерно, плоха земля — плох и колос, но он всё- таки содержит в себе зерно и даёт плод. Плох человек по своим способностям, плоха его среда, не он виноват в этом, но он может принести плоды… Спокойная, дремлющая природа, ленивые тучки, тишина в перелеске и на лугах, тишина в деревне, живущей без всяких психических беспокойств, народ, находящийся в полной гармонии с природой — всё это напоминало о Нирване своего рода, об отсутствии индивидуальной жизни и о полном совпадении её с общей жизнью, с жизнью без индивидуальной. И всё это так манит меня к себе, было так привлекательно. // **л. 21 об.** С другой стороны, хорошие отношения к Москвичам, прекрасные письма Васи, всё это радовало меня. А 1-го августа мы встретились с Вл[адимиром] Ник[олаевичем]. Его беседа, похожая на него самого своей простотой, отсутствием всего «лезущего вверх» и содержательностью, окончательно ободрила меня. Е[вгения] Н[иколаевна] настолько же повлияла на меня в тот вечер. Мы сидим втроём в столовой, остальная публика в гостиной, С[офья] Ю[рьевна] иногда наведывалась к нам. Всё это соответствовало настоящему положению дел. Мы трое были иные люди, чем те, своим направлением. Я радовался тому, что я вместе с моими друзьями, что я достоин их беседы, что я свой им. Эта вещь, а главное их беседа, помогли мне успокоиться совершенно. Это был финал моих страданий. Говорю страданий, ибо я, действительно, страдал. На другой день я неожиданно уехал в Петербург.

// **л. 22** Впервые в деревне посетил меня этот индифферентизм, о к[ото]ром я писал в начале тетради. Я понял возможность и достоинства его. Радости, принесённые мне общением с Симоновкой[60], принимались мною спокойно без шумных волнений; я понял прелесть безбурного бытия: для меня стало достижимым идеалом поиграть часа два с Сарой в карты, поговорить с Ник[олаем] Алексеевичем о Москве и «о материях важных» по поводу её, поужинать с этой компанией, пошутить и побегать с Сарой, а потом, простившись, прочесть несколько страниц Милля, соглашаясь с ним в его частных идеях, и затем заснуть спокойным сном, не тревожась, что день проведён хоть и хорошо, но ординарно. Ни душевная буря, ни волнения от причин внешних не тревожили меня. Я понял, что всего волнениями не исправишь, и как-то они оставили меня. Я понял, что можно жить хорошей жизнью и без непрерывных аффектов.

// **л. 22 об.** Возвратился я домой и сразу стал в иные отношения к семье, к отцу. Но говорить об этом более не хочу. Tout va pour le mieux[61]. Здесь это применимо буквально. Я занялся домом.

Понравилось мне бывать в Шувалове, и часто садился я в вагон финляндской дороги, с газетой в руках и с завидной ясностью в душе. Весёлым смехом смеялся я теперь у Нейтгардт, весело мне было действительно, и Ал. Конст[антиновна] не даром сказала, что вернувшись из Москвы, я изменился. Это верно: я вырос. В Озерках, в Шуваловском парке, в садике, в комнате — везде я говорил с Ал. Конст[антиновной] не так, как зимою, непринуждённо, весело и покойно. Много смеха и серьёзных вещей было здесь, а на возвратном пути, высунув голову в окно, жадно смотрел я на звёздное небо, на освещённые луною дачи, луга и деревья, на тёмную стену дерев Удельного парка — и в голове моей толпились // **л. 23** мысли, надежды на ещё лучшее счастье, чем счастье, которым я наслаждался. А это было счастье ясной молодости, предвкушение настоящего счастья, надежды на хорошее будущее, в к[ото]рых не было и помысла о богатстве, знатности, славы или известности. Я человек только, а таким людям, простым смертным, счастье

[60] Симоново — здесь находилась дача Селивановских.

[61] Всё хорошо — с фр.

тоже доступно… Не забуду я этих лунных счастливых ночей!…

В Лесном тоже не покидало меня счастливое настроение. Но в отношении моём к ~~нему~~ Лесному много «прозы». В отношениях наших с Васей первый период поэзии миновал, новый ещё не вполне наступил. Вполне надеюсь, что наступит: есть много шансов для этого, а первые «проблески поэзии» были 24-го авг[уста]. Но никогда с такой силой не охватывало меня сознание своей счастливости, как в Левашове[62] 19-го и 20-го авг[уста]. Не знаю, почему это произошло, но моё настроение там было прекрасно. Эти // **л. 23 об.** два дня были одним непрерывным наслаждением своим покоем, природой и обществом. Мнение моё о В.Н. Б[еркуте]. намного изменилось в эти дни не в ущерб её самолюбию.

Приехала Федотова: масса эстетического наслаждения досталась мне. Я, к[а]к очарованный, бегал за ней и, право, не жалею об этом.

Ну, не счастливый ли я человек?! Настала осень, я привязался к университету больше, чем прошлый год. Я уразумел, как нужно относиться к нему, и стал работать с первого раза. Новая радость.

Но есть и шипы: болезнь отца и Сары, к к[ото]рой я очень стал расположен; положение Коли; нахальство некоторых длинных носов, на к[ото]рое, в сущности, я наплевал, но к[ото]рое не раз возмущало меня, т[а]к сказать, в принципе.

Нечаянно написал я очерк прошедшего // **л. 24** лета, чему очень рад. Весело живётся, нечего сказать, только боюсь я за это счастье. Пусть я буду суеверен, но

Мне сдаётся, что вслед ликованию,
По закону как будто судьбы,
Появляются злые страдания
И минуты тяжёлой борьбы

16 окт[ября].

Работаю, слушаю прекрасные лекции и чем дольше, тем больше люблю свой факультет. Лекции Прахова привели меня вчера в положительный восторг. Внутренняя и внешняя сторона этих лекций не только хороша, но очаровательна.

Задумался я над тем, не бесцельно ли я трачу столько времени на психологию с её записыванием, и действительно пришёл к тому выводу, что цель не ~~окупает~~ оправдывает такой большой траты труда. Посему записки психологии вести перестаю, а буду вести один конспект. Это будет разумней.

// **л. 24 об.**

23 окт[ября] 1879.

Сегодня, 23-го в 7 часов утра умер Владислав Феофилович Кеневич[63], мой учитель… После него осталась молодая жена и два сына. Мир праху этого честного человека! Это был вправду честный человек, потому что не думал о приобретении «благ земных», потому что жил в сфере идеалов, в сфере науки. Отсюда то, может быть, и проистекали его недостатки, но это же самое было и хорошей его стороной, к[ото]рая заставляла его уважать. Лишённый силы воли и той душевной черты бойкости, к[ото]рая позволяет человеку твёрдо и сознательно самому идти и другим руководить в жизни, он при всём этом имел хорошую душу, откликаться на всё, достойное отклика, пытался всякому нуждающемуся в этом указать прямую дорогу. Его отзывчивость, его готовность помочь человеку словом, а если удастся, // **л. 25** и делом, я лично испытал и умею ценить эту черту его характера. Знакомство моё с Вл[адимиром] Феоф[иловичем] было настолько близко, что о нём я могу судить. Это был беззлобный человек. Он часто к некоторым людям относился резко и враждебно, но зла он не был способен делать.

Меркантильные интересы были ему чужды, он не умел заискивать, завидовать, строить интриги: его добрая душа и присущее ему самомнение не допускали ничего подобного. Он не мог жить без науки, он до конца своей жизни сохранил свои идеалы и остался им верен. Это большое достоинство. В высшей степени увлекающаяся натура не остыла до самой смерти, до 50 лет! Это был юноша в своих увлечениях, и его увлечения были искренны. Он был поэт в душе, любил до безумия искусство и поклонялся ему. Это был не гражданин, а человек, // **л. 25 об**. в этом его достоинство, в этом и недостатки. Говорят: de mortuis aut bene aut nihil[64]. Нет!

[62] Возникновение поселка Левашово обусловлено строительством железной дороги на Выборг, которое было завершено в 1870 г. Своим названием поселок обязан графу В. В. Левашову, который во второй половине XIX в. был владельцем соседствующего имения Осиновая Роща.

[63] Кеневич Владислав Феофилович (1831–1879) — писатель, учился в Дворянском полку и СПб. унив., с 1852 г. почти до самой смерти в разных учебных заведениях Петербурга преподавал русский язык и словесность.

[64] Из мертвых, ну или ничего — с лат.

de mortuis veritas sine ira et injuria[65]. И говоря о Кеневиче теперь, я буду говорить всё, отбросив в сторону my ira[66], то недовольство, к[ото]рое накипело во мне и часто заслоняло от моих глаз? достоинства Кен[еви]ча. Кеневич был лишён силы воли. Обладая большим и логически развитым умом, он вместе с тем подчинялся минутным увлечениям. Нервы его возбуждались малейшим явлением в сфере любимых его интересов, если можно так выразиться. У него не доставало именно того, что позволяет человеку казаться резко определённой личностью, овладевать каким-либо предметом вполне и сознательно, твёрдо руководить кем-либо. Этого Кеневич не мог. В нём случались противоречия, была неровность, и это бросалось в глаза.

// **л. 26** Кеневич пил. Это его несчастье, но скажите, много ли русских хороших людей способны совершенно не подчиняться искушению винных паров? Такова уже судьба: у нас талантливые люди или подвержены каким-либо болезненным порокам или мало живут. Это явление поразительное. Вспомните, с одной стороны, Гоголя, Помяловского и titti guanli[67], с другой, Пушкина, Лермонтова, Белинского, Добролюбова, Писарева… Всё это безвременно погибшие люди.

Своим умом, своими познаниями Кен[евича] вызывал уважение, удивление, обожание даже в своих учениках. Многие, благодаря Кен[еви]чу, поняли, что у них на плечах голова не даром есть, поняли, что существование не может обходиться без целей и идеалов. В этом заслуга Кен[евич]а. И не признать её нельзя. Это был не бесполезный человек.

// **л. 26 об**. Теперь он кончил свой путь. Он был кадетом[68], был выпущен оттуда и не принят на военную службу, подготовился, пошёл в университет, терпел голод и холод, однажды даже умирал от голода, но выбился и поступил учителем в военное ведомство, занимался литературным трудом в «Библиотеке для чтения», был помощником редактора (кажется, так) «Морского Сборника», учил в военно-учебных заведениях, в Лицее; написал «Биографические и исторические примечания к басням Крылова», труд обстоятельный и прекрасно исполненный, выдержавший два издания; перевёл обширный том истории Шайнохи[69], составил «русский синтаксис» и помещал путевые очерки в газетах (Москва =Биржевые Вед[омости]); он много путешествовал по России, Германии, был на Гельголанде…

Последнее время он вышел из службы // **л. 27** и давал уроки у Быкова, потом снова поступил в военное ведомство, но через год, в 1879 году, оставил все учебные занятия, беспрестанно болел и, наконец, сегодня скончался в больнице Марии Магдалины, куда был помещён по совету доктора и по своему желанию. Мир его праху!

Я всегда с уважением буду вспоминать об этом человеке, впервые показавшем мне во всем величии и красоте идеалы науки, впервые оказавшем мне внимание, как взрослому юноше! Хотя его отношение ко мне и принесло мне некоторое зло, но не он один был виною в этом. Если я шёл в университет сознательно, любя науку, то этим я обязан Кен[евичу]. Если же я разочаровался в нём немного и пережил несколько горьких минут, то это произошло от моей идеализации этого человека. В последнее же время, положа // **л. 27 об.** руку на сердце, говорю, я относился к нему спокойно и смотрел на него так, как изложил на этих страницах.

Мир твоему праху, честный идеалист! Мало у нас честных людей и потеря их особенно чувствительна.

Очень жалею, что давно видел Кеневича: я был у него с месяц тому назад. Был и недавно, но он был уже в больнице, а когда собрался в больницу сегодня, то узнал, что он уже скончался. Я считал его не смертельно больным: мне жена его говорила, что у него хронический катар легких, а в больнице сказали, что у него была сильнейшая чахотка.

Ночь с 23-го на 24-е окт. 4 часа.

Полчаса назад вернулся от Нейдгардт. Мало кто в состоянии понять, в каком расположении духа я был на этом вечере.

// **л. 28** Смерть Кеневича расстроила меня. Сидя за предыдущими страницами, я несколько раз заплакал: чувство горя было так сильно. А между тем пришёл Вася С[идоров], к Нейдгардт нельзя было не ехать, я по плохой привычке, свойственной всем мужчинам, назвал

[65] Правда мертвых, без гнева и травм — с лат.

[66] Гнев — с лат.

[67] Всё так же — с фр.

[68] Имеется в виду выпускник Кадетского корпуса.

[69] Шайноха Карл (Кароль) (1818–1868) — польский писатель, историк. Ядвига и Ягайло / Соч. Карла Шайнохи; Т. 1–2. СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1880–1882. Библиогр. в примеч. Т. 1 / пер. со 2-го пол. изд. В. Кеневича. 1880. VIII, 711 с.

свою печаль «чепухой» и отправился. Кислым сидеть там не приходилось. Я начал насиловать себя, дирижировал двумя кадрилями (впрочем, плохо), болтал с Ал. Конст[антиновной], смеялся, а между тем на сердце у меня «кошки скребли», я испытывал знакомое мне с прошлого года то «холодное отчаяние», по словам Лермонтова: «к[ото]рое не лечат дулом пистолета». Мне было скверно, слёзы душили меня несколько раз, а я плясал и смеялся. И то, и другое было искренно! И только одна Ал. Конст[антиновна] поняла, что мне было больно и скверно. Это было не «отчаяние», к[а]к говорит Лермонтов, а такая тоска и угрызение совести // **л. 28 об.** за то, что в день смерти близкого человека я должен плясать, человека, к[ото]рый имел на меня влияние, к[ото]рый одно время был моим другом — руководителем, к[ото]рый со слезами на глазах говорил мне о разумной жизни и, обнимая меня, к[а]к отец указывал мне путь. Нужды нет, что я не пошёл по этому пути (а кто знает?!), всё-таки этот человек, любя меня, давал мне чистосердечно путеводительную нить к разумному и истинному, по его мнению, счастью. Это довольно для того, чтобы чувствовать к нему благодарность… И в день его смерти я был на вечере, не желая причинять неудовольствие другим добрым людям, к[ото]рые так радушны ко мне. Но глубоко верен стих:

Спящие в гробе мирно спи
Жизнью пользуйся живущий!

Хотя сегодня я пошёл в Нейдгардт не поэтому.

// **л. 29** Ал. Конст[антиновна] была сегодня очень эффектна и оживлена, но несмотря на оживление, она к моей радости и удивлению, поняла меня. Я думал о ней хорошо, но это превзошло мои ожидания: я удивился, к[а]к она тонко чувствует, как она отзывчива! Впервые она показала это, когда я пожаловался на фразу: «может быть она (К) не выйдет замуж, пока Вы не женитесь?» Это было нестерпимо грубо, и Ал. Конст[антиновна] поняла это, оценила. С этого времени я уразумел этот характер с его богатством.

Возвращаясь оттуда (я шёл с Рубц[овым]), кто-то заметил, что Ал. Конст[антиновна] была эффектна. По этому случаю или поводу я получил от М. Вас. такой грубый намёк, что вышел из себя. Она сказала: «Да, она эффектна!». Я стал расспрашивать, допытывать её, т. е. как эффектна? «Глаза ведь у меня есть!» Цинично — заметила она. Это меня окончательно взбесило и я, во избежание истории, замолчал.

// **л. 29 об.** Чем я стал поперёк горла сей даме, не знаю, но она снова держит меня в опале (к[а]к в 1875 г.) и потчует такими шпильками, что я когда-нибудь отвечу не вежливостью и не молчанием. «Мы уж не знали, какое имя (разумей: похвальное) дать Вашему дому, когда мимо ехали (разумей: уж такой де писаный красавец в нём живёт!..). Если бы эти вещи касались меня исключительно, я бы плевал на них, но здесь не обо мне одном злоязычествуется, и это меня тревожит, это вряд ли безнаказанно касается и безответно сойдёт, если продолжится с её стороны подобное шпигованье.

Совесть моя чиста и пред Ал. Конст[антиновной], и пред обществом. Моё отношение к ней честно. Неужели же может всякий прохожий плевать на мою совесть, как в какой-то поганый колодезь. Нет!… (4 ½ час.)

// **л. 30** Это совершенно верное замечание. Смерть его либо печалит нас сообразно с тем, как близок был нам умерший. Смерть Кен[еви]ча очень поразила меня вчера, сегодня этой печали уже нет, она, может быть, ещё не раз вернётся ко мне, но печалиться от этого, что печаль эта исчезла, и корчить из себя насильно опечаленного не могу и не хочу — в силу вышеприведённого изречения. Другое изречение того же Шиллера, составляющее предисловие к первому, тоже подходит к настоящему положению моему:

Смертный, силе нас гнетущий
Покоряйся и терпи!

Действительно, мы прекрасно сознаём, что вне нас есть сила, сильнейшая, чем мы, которой мы — волей-неволей — должны покоряться. Это сознание составляло религию Кеневича. «Назовите эту силу стулом, // **л. 30 об.** вилкой, природой, богом — это всё равно», говаривал Кеневич: «другие называют её богом. Я же только могу не признать, что кроме моей воли существует другая сила, к[ото]рая борется часто с моей волей и давит её» … И, правда, вся наша жизнь состоит в борьбе с внешней волей, с силою обстоятельств, к[ото]рые мы стремимся приноровить по своему желанию или же сами поневоле к ним приноравливаемся (Кавелин). В этих актах проходит вся наша жизнь, она вся исчерпывается этим стремлением приноровить или приноровиться самому. Утилитариане возвели этот процесс в сознательный принцип, создали целую доктрину, осветили факт. Счастье наше состоит именно в гармонии внешней воли с внутреннею. К этому мы все бессознательно

стремимся, стремится христианство, стремились аскеты и пустынники. Заслуга утилитарианства в том, что оно назвало факт настоящим именем и пыталось доказать (и, по-моему, // **л. 31** небезуспешно, если можно доказать небезуспешно аксиому), что это стремление законно, потому что лежит в природе человека и, ergo, не бесчестно. Это — аксиома, к[ото]рая ради своей новизны, кажется людям циничной и эгоистичной. Для меня это аксиома /по Декартову правилу: что я ясно, очевидно, непреложно сознаю, как заключающее в самом существе или понятии предмета (здесь: в человеческом духе), то есть истина.

Признавая стремление к гармонии между внутренним и внешним мирами вполне законными, я стремлюсь к нему, стремлюсь к нему, стремлюсь и в данном случае, т. е. вернее, я признаю открыто, что стремлюсь, ибо это стремление инстинктивно. Коль скоро мне удалось приноровиться к давлению обстоятельств, коль скоро я утешился в смерти Кен[еви]ча, я этому только радуюсь (этому) и не помыслю о том, чтобы казаться грустнее, чем я есть, если ко мне снова не придёт эта грусть.

// л. 31 об.

25-го окт. 4 ½ ч. день.

Большое несчастье поразило нас. У отца удар: отнялась левая нога и подъемные мускулы не действуют. Опасность, на мой взгляд, велика. Среди такого счастья и спокойствия, какого я давно не знавал, должна была случиться такая грустная вещь!

8 ноября 1879 года.

Отец поправляется, и доктор сулит полное выздоровление.

24-го окт[ября], возвратясь домой перед самым обедом, я застал письмо от посестримы, где она говорит, что я могу объявить о её помолвке с Вл[адимиром] Н[иколаевичем]. За обедом я пил за её здоровье и за его здоровье, и мы весело провели весь обед. Перед обедом с отцом была небольшая дурнота, что с ним бывало и прежде, а в 7 часов его хватил паралич. Я полетел за доктором, к[ото]рый тотчас приехал вместе со мной.

// **л. 32** Я забросил все дела, университет, одним словом, весь был (да и теперь тоже) занят болезнью отца. Я истомился, теперь я чувствую, что расходую последние свои физические силы на бессонные ночи, на поднимание и поворачивание отца и т. п. Я начинаю прибегать к укрепляющим средствам в виде «Риголетто» и беседы со знакомыми. Это помогает (не шутя!), но все-таки, если не отдохну день или два вполне, то скоро сам свалюсь. Эту ночь, дежуря у отца, я под утро крепко заснул от усталости.

Дух мой свеж и бодр по-прежнему после того, как опасный период болезни миновал. Я много перечитал, сидя у постели отца: положим, что это чтение не совсем доброкачественно вследствие утомления и частых перерывов, но это все-таки чтение. В университете не был с 26-го (в этот день хоронили Кеневича). Завтра возобновлю хождение туда.

// л. 32 об. Много есть у меня предметов, о к[ото]рых я бы хотел потолковать в дневнике, но или нет времени, или нет сил. Поименую некоторые из них, чтобы потом, запасшись снова силами, войдя в свою колею, записать их поподробнее: 1) теория Дарвина, популяризация Писарева, вывод Оскара Шмидта и применение Кавелинской формулы о приноровлении к теории Дарвина. Теория Дарвина по отношению к формации индивидуума среди социальных (в научном смысле) и иных условий. 2) Контово положение о трёх периодах развития и об умственном положении человечества в его время. 3) Филология, к[а]к наука, и филологи, как учёные. Вот три темы, годные для солидной обработки. Далее хотелось мне записать мои надежды на будущее отношений моих с В. Л[атки]ным и мои соображения относительно знакомства с Н[ейтгар]дт и видов многоуважаемой во всех отношениях дамы М. В. Руб[цов]ой. Запишу, когда успею.

// л. 33

/8-го ноября/ 10 ч. вечера.

В Васе заметна некоторая перемена, по моему мнению, утешительная. Дело в том, что более и менее приближается к типу «сердечных» людей. И чем заметней для меня эта перемена, тем более растёт мое расположение к нему. Но некоторые чёрточки прежнего демонически-эгоистического направления ещё видны. Антисердечность (какие эпитеты и термины подвёртываются под руку!) высказываются в нём не прямо, но некоторые фразы косвенно на неё указывают. Напр[имер], в письме он поместил недавно шпильку насчёт одной молодой особы и адресовал её (т. е. шпильку) мне. Я ни словом не дал заметить, что поморщился на эту шутку, а поморщился я вот почему: я почти безотходно сижу при отце, шутка укоряет меня в умение выбрать время для свидания с семейством вышеописанной молодой особы, даже // л. 33 об. прямо с сей

молодой особой, к[ото]рая противополагается друзьям в письме. Противоположение это намекает на нежное влечение, а неделю перед тем, говоря ему о шпильках М.В., я косвенно отрекался от него самым серьёзным образом. В виду всего этого шутка может вызвать морщинку. Ещё пример: вчера, возвращаясь от Н[ейтгар]дт, он с усмешкой сказал, скоро ли я пойду в универс[итет] или ещё целый месяц буду дома сидеть? Усмешка и тон предполагали ясно, что на меня пало с его стороны подозрение в лодырничестве, а межу тем он знает и понимает, что болезнь отца отнимает у меня все время, а если я вырвусь куда-либо, то не для лодырничества, а для умственного и физического освежения, к[ото]рое мне решительно необходимо. В эти две недели я спал, как сплю обыкновенно, т. е от 12 ч. н[очи] до 8 ч. у[тра], только пять ночей. Я далёк от того, чтобы // **л. 34** сердиться на эти шероховатости, но всё-таки неприятно, когда дают чувствовать, что навлекаешь на себя подозрение со стороны близких людей. Примеры эти привёл я ради того, чтобы показать, что штрихи, характеризующие людей с отсутствием психического чутья, ещё существуют у Васи. Но рядом с ним можно указать и противоположные черты, сравнительно недавние. Он приятно изумил меня, принеся мне вчера От[ечественные] Зап[иски]. Вряд ли он руководствовался одним (прежде высказанным) желанием познакомить меня с выдающимися статьями: здесь виделось мне и иное. Его сочувствие к моему теперешнему положению высказалось и скорою присылкой Писарева, и принесением От[ечественных] Зап[исок]: он желал, к[а]к мне кажется, облегчить мою тоску и скуку, доставляя мне чтение. От[ечественные] Зап[иски] меня вчера очень приятно изумили. Далее, горой стоя за первое свое мнение о Н[ейдгар]дт, он чистосердечно изменил его и // **л. 34 об.** высказал это. Но перемена мнения ещё не доказывает тонкости чувства. Я увидал её в тоне и в манере его повествования об этом. Тонкость чувства и честное отношение к жизни — две вещи разные, хотя и равно почтенные. Тонкость чувства проявляется ещё у Васи, когда он возится с детьми. Я очень люблю в это время наблюдать за ним (у Р[убцо]вых).

С другой стороны, перемена видна большая в отношениях Васи к обществу. Он терпит теперь, даже благосклонно относится к шуткам, остротам и пр., без к[ото]рых в нашем обществе, в наше время ещё невозможно обходиться. Он ходит в театр, в разные собрания на вечера и пр. Понятно, что ему труд теперь даётся легко, если нет у него внутренней разницы или если она не сильна. Последнее более вероятно, пот[ому] что вряд ли он психически теперь вполне покоен.

// **л. 35** Отношения наши с ним хороши, но это меня не удовлетворяет. Мы «по душе» о вопросах чувства мало беседуем, хотя относимся друг к другу доверчиво. Дело в том, что мы не привыкли говорить «по душе», такие разговоры являются исключениями. Мне хочется это исправить, привести наши отношения к тому, чтобы я и он могли с первого слова стать друг с другом на интимности. Давно хотел я поговорить с ним об этом, но не приходилось. В будущем, как я надеюсь, это придёт.

Прекрасный пример умышленной шутки, покоящейся на субъективно- счастливом основании грубости и неразвитости чувства, можно видеть в незабвенной шутке 20-го авг., к[ото]рую мне долго не забыть и к[ото]рую я могу удачно привести в пример при психологической беседе на тему о тонкости чувства. Эта шутка о замужестве маркизы.

// **л. 35 об.** Пример неумышленной выходки, вытекающей из неразвитости чувства, может представить Петя, к[ото]рый вообще тонкостью чувства не похвастает. Эта выходка имела место 5-го числа у Васи. Тетя выругал меня за то, что я 30-го не был у него, между тем, как, по его словам, чуть не каждый день шляюсь куда-нибудь. Он подозревал, что я целыми вечерами сижу у Н[ейтгар]дт, бываю в театрах etc. Громко, весело, с треском изъяснял он мне свои претензии… Ну можно ли наивнее и грубее оскорбить в человеке чувство сына, уважающего своего отца?

Представляю это на суд тонко чувствующих людей.

Оскорбляться и сердиться вследствие проявлений недостатка психического чутья не стоит. Сталкиваться с этим приходится каждый день, да и сам иногда проштрафишься. // **л. 36** Крупные необыденные оскорбления — чувства тяжёлые для всех других. Их не снесешь, их не простишь, их не забудешь, как бы ни был велик в душе источник христианской всепрощающей любви.

Меня укоряют совершено ложно, что во время болезни отца, я постоянно бываю у Н[ейтгар]дт. Это, повторяю, совершенно ложно de facto, но я рад бы был являться к ним почаще, если бы была возможность, и вот почему. Когда в первый раз сообщил я им о нашем горе, я в ответ услы-

шал прекрасные слова: меня А.А. приглашала почаще забегать к ним, чтобы этим общением с людьми приобретать развлечение и избавляться на время от монотонности, неизбежной при таких обстоятельствах, каковы мои. Приглашение сделано было в таких хороших, и с таким хорошим выражением, что я поверил // **л. 36 об.** его искренности и хорошему расположению ко мне со стороны этой женщины, в к[ото]рой заключаются огромные достоинства.

Каждый человек хорош в своём роде, у каждого найдётся много хороших свойств; нужно только уметь находить эти свойства и ценить их. Так называемые хорошие люди отличаются от называемых дурных не количеством хороших свойств сторон, а их качеством и большею интенсивностью.

Dixi et animat exsobri![70]

Можно бы ещё написать на сегодня, но нет места.

Отец, по счастью, теперь спит спокойно и редко зовёт меня, так что есть возможность без частых перерывов почитать и написать. (12 часов ночи).

[70] Я сказал, и это опьяняет трезвых — с лат.

Список литературы

1. Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням И. А. Крылова. С приложением материалов для библиографии И. А. Крылова, им же собранных. СПб. : Книжный магазин издателя И. И. Глазунова. 1878. С. IV.

2. Митрофанов В. В. Театральные заметки. Части III и IV. Сергея Федоровича Платонова // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 36. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2021. С. 82–111.

3. Митрофанов В. В. «…я друг всякого образования»: письма С. Ф. Платонова двоюродной сестре Серафиме в 1880-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 199–221.

4. Митрофанов В. В. Письма Беркут (Е. Н. Калайдович) С. Ф. Платонову за 1883–1904 гг.: «Неужели наша дружба так испорчена…» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2022. № 2. С. 82–97. URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/32-magistra-vitae-2-2022.html DOI: 10.24411/2542-0275-2022-0210.

5. Митрофанов В. В. Дневниковые записи С. Ф. Платонова о В. Ф. Кеневиче// Вестник Псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2022. № 13. С. 206–221.

6. Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (7 января — 21 сентября 1879 г.): «жизнь — это материал для анализа». Часть 6 // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 1. С. 84–100. URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/41-magistra-vitae-1-2025.html. DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-1-84-100.

References

1. Kenevich VF. Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniya k basnyam I. A. Kry`lova. S prilozheniem materialov dlya bibliografii I. A. Kry`lova, im zhe sobranny`x = Bibliographic and historical notes to the fables of I. A. Krylov. With the application of materials for the bibliography of I. A. Krylov, collected by him. St. Petersburg, Knizhny`j magazin izdatelya I. I. Glazunova. 1878. S. IV. (In Russ.).

2. Mitrofanov VV. Teatral'nye zametki. Chasti III i IV. Sergeya Fedorovicha Platonova. *Vestnik "Al'yans-Arheo" = Bulletin of the Alliance-Archeo.* 2021;(36):82-111. (In Russ.).

3. Mitrofanov VV. «…ya drug vsyakogo obrazovaniya»: pis`ma S. F. Platonova dvoyurodnoj sestre Serafime v 1880-e gg. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal = St. Petersburg Historical Magazine.* 2021;(1):199-221. (In Russ.).

4. Mitrofanov VV. Pis`ma Berkut (E. N. Kalajdovich) S. F. Platonovu za 1883–1904 gg.: «Neuzheli nasha druzhba tak isporchena…». *Magistra Vitae: e`lektronny` j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii = Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archaeology.* 2022;(2):82-97. URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/32-magistra-vitae-2-2022.html. DOI: 10.24411/2542-0275-2022-0210 (In Russ.).

5. Mitrofanov VV. S. F. Platonov's diary entries about V. F. Kenevich. V*estnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: social`no-gumanitarny`e nauki = Bulletin of Pskov State University. Series: social and humanitarian sciences*. 2022;(13):206-221. (In Russ.).

6. Mitrofanov VV. Dnevnikovye zapiski S. F. Platonova (9 sentyabr — 8 noyabr 1878 g.): «zhizn` — e`to material dlya analiza». Part 6. *Magistra Vitae: e`lektronny` j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii =*

Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archaeology. 2025;10(1):84-100. (In Russ.). URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/41-magistra-vitae-1-2025.html. DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-1-84-100.

Информация об авторе

В. В. Митрофанов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин; заслуженный работник образования ХМАО — Югры.

Information about the author

V. V. Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines; Honorary Worker of Education of KhMAO — Yugra.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.